

Н. Н. Коноплева

ПОЛИКОДОВЫЕ (ВИДЕО-ВЕРБАЛЬНЫЕ) ТЕКСТЫ В ПРОЦЕССЕ ПОРОЖДЕНИЯ СМЫСЛА

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, факультет иностранных языков и лингводидактики, Саратов, Россия

Аннотация. В статье рассматривается формирование смысла, который становится важным критерием в освоении мультимедийной среды. Несмотря на разнородность, она позволяет расширить представление о явлении. Анализируются несколько «текстов», относящихся как к художественной прозе, так и кинематографическому прочтению такого события, как трагические последствия мексиканской революции для христиан. В результате исследования выделяются те семантические блоки, которые наделяются особым информативным и эмотивным значением в полиэтнической ментальности.

Ключевые слова: поликодовый текст, мексиканская революция, конфессиональные гонения на христиан, эмотивное значение

N. N. Konopleva

POLYCODE (AUDIO-VERBAL) TEXTS IN THE PROCESS OF GENERATING SENSE

Saratov State University, Faculty of Foreign Languages and Language Teaching Methods, Saratov, Russia

Abstract. The article looks at the shaping of sense, which becomes a relevant criterion in the exploiting of the multimedia environment. In spite of its heterogeneity it enables to widen the idea of the phenomenon. Several fictional texts and cinema versions of such an event as the tragic consequences of the Mexican revolution for the Christians. As a result of the research the semantic blocks that are imparted with a particular informative and emotive meaning in the polyethnic mentality become evident.

Keywords: polycode texts, Mexican revolution, confessional persecution of Christians, emotive meaning

В современную эпоху мультимедийность в сочетании с литературным текстом позволяют не только расширить представление об интересующем исследователя феномене, но и за счет объема доступного материала увеличить возможности обретения смысла, поскольку именно смысл является целью всякого исследования.

Наше внимание первоначально привлек роман английского писателя Грэма Грина «Сила и слава» (1940), описывающим гонения на христиан в Мексике, который он справедливо считал своим лучшим произведением. Этому роману предшествовали путевые заметки «Дорогами беззакония» (1939), содержание которых почти целиком вошло в роман, конечно, с художественным переосмыслением описываемых событий. По роману был

снят фильм с одноименным названием американским режиссером Джоном Фордом под названием «Беглец» (1961). Кроме того, в 2012 г. вышел мексиканский англоязычный фильм режиссера Дина Райта (Dean Wright) под названием «Кристиада» (Cristiada), в основу которого легли события Гражданской войны в Мексике, получившей название «Восстание кристерос». Все эти произведения условно назовем «поликодовым, или креолизированным, текстом», поскольку он содержит как визуальный ряд, так и вербальную основу.

События в послереволюционной Мексике никогда не являлись предметом широкого обсуждения. В нашей стране причины замалчивания понятны: они слишком тесно связывались с гонениями на православную церковь после 1917 года. Этих параллелей стремились избегать и в более позднее время, поскольку репрессии, утихшие во время Великой Отечественной войны, возобновились после ее окончания.

Что касается мировой общественности, то вопросы веры никогда не представлялись ей приоритетными, если они не сочетались с политическими мотивами, а надо признаться, что Мексика отстояла далеко от кардинальных событий истории. Однако мексиканцы явили миру образец защиты своей веры как фактора этнической идентичности, защиты до смерти, и в этом твердость их национального характера и величие их духа.

Начнем с романа «Сила и слава». Название взято из молитвы «Отче наш»: «Яко твое есть Царство, и сила, и слава Отца, и Сына, и Святого Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь». Грэм Грин не священник и не богослов, а его роман «Сила и слава», отражает личное мировоззрение автора: как он представляет себе переживания и муки опального католического священника – главного героя романа – в невыносимых для человека условиях.

У священника, который выполняет свой долг, несмотря на преследование со стороны властей, нет имени. Действие происходит в послереволюционной Мексике, когда христианская религия находилась под строгим запретом, и священники могли поплатиться жизнью за его нарушение. Особенной жестокостью отличались власти штата Табаско, где и происходит действие романа. Всех священнослужителей ждал арест и мучительная казнь. Губернатор штата во всем стремился следовать большевикам, поэтому их последователей в Мексике называли «мексиканскими большевиками» [1].

О том, кто перед ним, читатель догадывается почти сразу, хотя внешние обстоятельства стремятся этому помешать. То, что герой говорит по-английски и держит в руках фривольный журнал, не может сбить читателя с толку. Когда доктор Тренч отказывается помочь умирающей женщине, встреченный им незнакомец готов идти к ней, хотя он признается сам, что он не врач. Остается предположить, что это тот, кто приходит напутствовать в последний час. Так читатель узнает о призвании главного героя.

Грэм Грин создавал образ безымянного священника под сильным влиянием о. Мигеля Про, священника-иезуита, отдавшего жизнь за Христа. Сам Грин не был знаком с ним, только слышал рассказы о нем, которые

произвели на него чрезвычайно сильное впечатление. Но цельный человек для романиста не столь интересен, как несовершенный человек, который, преодолевая в себе разлад и внутренние противоречия, оказывается верен своему призванию.

Обычно исповедуя принцип отстраненности от своих персонажей, в этом случае писатель проявляет внутреннее участие и, более того, сочувствие и к протагонисту, и событиям, происходящим в романе. Писатель не идеализирует своего героя, который вынужден отрицать многое, чтобы не выдать себя. Произнеся фразу *Ora pro nobis* (Молитесь за нас), к которой он привык, он выдает ее за присказку. Он любит витраж с изображением Богоматери, который доктор взял себе, когда революционные бандиты разгромили церковь. Он давно не видел никаких видимых знаков, которые бы свидетельствовали о присутствии христианства на этой территории.

Из-за постоянного напряжения и страха за свою жизнь священник пристрастился к алкоголю, за что его называют «пьющим падре» (*whiskey padre*). Он знает это и считает себя недостойным представлять христианскую церковь, но другие представители уничтожены. На самом деле он выпивает, что называется, для храбрости, потому что не в состоянии выносить тяготы своей жизни.

Он отчасти выдает себя, беседуя с доктором, когда с тоской говорит о далекой христианской стране, несмотря на то, что событие, о котором вспоминает один из героев самое печальное – смерть одного из сыновей доктора. Он видит разлад в семейной жизни доктора и сокрушается по этому поводу, хотя доктор не придает этому значения. Это наводит доктора на мысль, что он имеет дело со священником. Доктору Тренчу также все равно, что было до революционных событий, когда страна была религиозной.

В минуту отчаянья и одиночества, священник вступает в связь с женщиной, что строжайше запрещается канонами католической церкви. От этой связи у него родилась дочь, которая, как он видит, развилась в женщину преждевременно рано. Он испытывает чувство вины и страдания, поскольку он стал причиной такого ее состояния. Он предчувствует, что она может вступить на путь порока, будучи плодом совершенного им греха. Покидая ее и бесконечно ее любя, он просит Бога спасти ее душу, даже ценой гибели собственной души. Это, конечно, акт самопожертвования, который является высшим проявлением христианской, а не только отеческой, любви.

Грин представляет читателю два образа священников: падре Хосе и своего протагониста. Известно, что большинство священников во время террора исполнили свой долг, почему дороги и были уставлены виселицами. Безмянный священник – один из них. Падре Хосе индивидуализирован, потому что он представляет собой нетипичное, единичное, явление. Оба священника испытывают страх, один под давлением властей вынужден был жениться, хотя канонически это запрещено католической церковью, другой – вступает в внебрачную связь, которую он воспринимает как смертный грех и как открытую рану.

Но между ними есть и существенная разница. Падре Хосе боится нарушить запрет на служение и не исполняет священнические обязанности. Даже когда на могиле ребенка его просят прочитать отходную молитву, он отказывается, страшась, что родственники могут не удержаться и рассказать об этом знакомым, а это станет известно властям. Священнику, которому нужно убежище, он не дает приюта. Свои мирские дела он ставит выше своего предназначения.

Безымянный священник тоже боится, но делает все, что ему велит долг, даже зная, что его заманивают в западню. С самого начала романа, одетый не по росту и в черное, он напомнил доктору гроб – его удел в будущем. Когда доктор отказывается идти к умирающей, туда идет священник. Нельзя сказать, что он отправляется в долгий путь с большой охотой: слишком велика вероятность быть схваченным полицией.

Он скорее раздражен, живет в состоянии лихорадки в прямом смысле этого слова и уже не обращает на это внимание. Устав от бесконечного ожидания, священник думает, что лучше уж ему быть арестованным и завершить свой земной путь. Но долг велит ему продолжать исполнять свое предназначение. Здесь его приход, и он в ответе за врученные ему души. Спрятавшая его девочка спрашивает его, не хотел ли он отречься от веры. Нет, он не может снять с себя сан, это не в его власти, отвечает он ей.

Его ищут вместе с уголовником, ограбившим банк. Будущий мученик и уголовник – прозрачная аллюзия на библейские события. Он признается, что прошел через отчаянье – смертный грех, но преодолел его и теперь вспоминает об этом с легким сердцем. Он понимает, что его ждет усталость, страх, и готов к этому. Но путь к духовному совершенству преграждает другой грех – внебрачная связь и рождение его дочери, к которой он чувствует, вопреки греху, отеческую любовь. Но этот ребенок смеялся, когда он в ответ на вопрос кто умер, узнал, что это его друг, и издал вопль отчаянья. Он хотел, чтобы дочь поняла, сколько она значит для него, но вряд ли это странное существо что-либо интересовало. Он готов пожертвовать не жизнью даже, но бессмертной душой, чтобы спасти душу своего ребенка. Он даже не хочет, чтобы его поймали сейчас, надеясь успеть сделать что-нибудь для нее.

Как изменилось отношение к священнику после прихода к власти атеистического антирелигиозного правительства. Его прихожане советуют ему вскоре уйти, а он обещает утром отслужить мессу, как будто расплачиваясь с ними за гостеприимство. Все напуганы. И все-таки они не выдают его приехавшей полиции, хотя одного из жителей берут в заложники.

Священник говорит проповедь о страдании как при приготовлении к Царству Небесному. «*Pain is part of joy.* – Боль – это часть блаженства» [2, с. 87]. Блаженство – это счастье, а оно сопряжено со страданием. Понимали ли его слушавшие? Нищие, больные, угнетенные. Не о таком счастье они мечтали. Но небеса – здесь, на земле, утверждает священник. Он был рад, что имеет право говорить с прихожанами о страдании, потому что сам познал, что это такое. Было бы странно, если бы об этом с ними говорил сытый, гладко

причесанный священник, каким он был раньше до прихода к власти краснорубашечников.

По пути в Кармен, где он родился и где похоронены его родители, он встречается с полукровкой, который его искушает. Он чувствует, что с ним Иуда. Тот провоцирует его признаться, что он священник, поскольку, знает это наверняка: в полицейском участке он видел его фотографию. Сам вид этого персонажа отталкивает и не внушает доверия. Полукровка навязывается к нему в провожатые и фактически стережет его. И действительно, некоторое время спустя видит, как тот марширует с полицейскими. «Я добрый христианин», – говорит он о себе.

Эта фигура наводит священника на мысль, что такое предательство. Полукровка предает из-за денег, сам же он предал Бога даже не из похоти. Он сомневается в том, искренне ли он исполняет обязанности священника, оставшись в одиночестве, не гордыня ли заставила его делать это? Падре Хосе смирился и живет тихо, как и он бы жил тихо с Марией, матерью своего ребенка, на пенсии в столице.

Удивительно, но именно в тюрьме, в полной темноте и тесноте он признается людям, что он священник. Когда одна набожная женщина говорит, что он – мученик, поскольку всех священников расстреливают, он говорит, что мученики – это святые, а у него два смертных греха: он пьяница и у него есть дочь. Он уверен, что его выдадут с рассветом, но голос – в темноте человек неразличим – отказывается выдавать его, и священник испытывает теплое чувство по отношению к этим людям, сохранившим человеческие ценности.

Как понять, кто близок к Богу, кто нет. Тогда, когда он жил, как ему казалось, праведной жизнью, он никого не любил. Теперь, когда он стал грешен, он понял, как нужно любить, что такое христианская любовь. Он читает отходную молитву мальчику-индейцу, невинно пострадавшему, оказавшемуся на пути уголовника-гринго. Он решает не останавливаться ни в одной из деревень, чтобы оттуда не брали заложников.

В безопасности, в семье протестантов, он уже чувствует беспокойство. Ему кажется, что он теряет время, отпущенное ему для исполнения священнических обязанностей. Мысленно отвечая на их укор о роскоши в католической церкви, он вспоминает, что протестанты придумали изречение, что чистота (физическая) почти божественна. А не чистота духовная, поправляет он.

Композиционно роман построен на противопоставлении безымянному священнику идеального образа мученика – святого Хуана, который вел праведную жизнь и с улыбкой принял смерть, прокричав, как многие христианские мученики «Слава царю-Христу». Его жизнеописание добродетельная мать читает своим детям в назидание. Когда те спрашивают ее о «пьющем падре», может ли он быть мучеником, она отвечает с негодованием. В конце романа, после того, как он принимает смерть за Христа, она признает его мучеником веры и даже хочет получить как реликвию часть

его платка, окропленного кровью по аналогии с тем, что она читала своим детям.

В камере священник хотел бы исповедоваться, но падре Хосе не решается нарушить закон, хотя за ним заезжает сам лейтенант полиции, который проявляет участие в его судьбе. Он начинает исповедовать себя сам, но канонические слова не оказывают на него должного воздействия. Он кается в блуде (fornification), а перед ним его зачатый в грехе ребенок, мысль о судьбе которого для него мучительна. Но еще более мучительно то, что ему кажется, что ему нечем оправдаться перед Богом, поскольку он ничего существенного не сделал. Удивительно, но он, например, благодарит лейтенанта, что тот позволил ему остаться наедине с преступником, чтобы принять у него исповедь.

Как отмечалось ранее, путевые заметки «Дорогами беззакония» почти целиком вошли в роман, наполнив его живыми переживаниями. Все образы, которые были созданы в «Дорогах», можно найти и в романе, что неудивительно, поскольку писателю хотелось документально точно отразить события. Грэм Грин признавался, что в романе мало выдуманных персонажей. Например, прототип провокатора-полукровки писатель увидел, путешествуя: это был отвратительный тип, у которого выступали передние зубы-клыки. Он вызывал откровенную неприязнь, и писатель использовал его отталкивающую внешность, наделив ею этого отрицательного персонажа.

В путевых заметках возникают и те образы, которые не вошли в роман. Один из самых запоминающихся – ржавые детские качели рядом с разрушенной церковью. *Of the cathedral not even that much remains <...> only an ugly cement playground marks the site* [3, с. 102]. Они жалобно скрипели от порывов ветра, разрывая сердце всем, кто их видел.

Экранизация романа вызывает много вопросов. Начать с того, что фильм назван «Беглец», что отражает понимание режиссером концепции всего произведения. Священник, как мы видим, никуда не бежит, он идет исполнять свой пастырский долг, встречаясь с трудностями, изнемогая под тяжестью выпавших на его долю мучений, но ни на минуту не усомнившись в том, что можно было бы сложить с себя ответственность. Он справедливо считает, что это не в его власти. Сами его раздумья не отражаются в фильме, и не всегда понятно, что имел в виду режиссер.

В центре киноповествования – жажда веры простых людей, их желание жить так, как жили их предки. Как быстро собираются люди, узнав, что пришел священник. Они несут крестить детей и просят отслужить мессу, поскольку в этой деревне священника не видели уже пять лет. Сцена с зажженными свечами и радостными лицами людей – одна из самых впечатляющих в фильме. В романе присутствует зловещий образ канюков, ястребов, питающихся падалью, в фильме он отсутствует. Зато сохраняется путешествие священника на муле, в чем без труда угадывается библейская аллюзия – вход в Иерусалим и последовавшие за ним страдания Иисуса Христа.

Два зрительных образа, действительно, запоминаются как концептуально значимые. Одна из первых сцен, когда священник, открывая двери храма, разводит в стороны руки, и падающая тень образует христианский крест. Этот многообещающий образ, к сожалению, не находит в дальнейшем развития в романе. Впечатляет и конец фильма, когда собравшиеся в церкви прихожане слышат стук в дверь и не знают, чего ждать: возможно, пришли полицейские, чтобы убить верующих. Но двери открываются, и в освещенном проеме появляется новый священник. Хотя в романе он стучится в дом к маленькому мальчику, но и такое завершение событий вполне вероятно и значимо.

Совсем по-иному построен фильм на ту же тему – «Кристиада». В целом он несколько хаотичен, но постепенно появляется его главная тема – образ ребенка-мученика. Показаны психологические переживания, через которые он прошел, важнейшим из них становится убийство полицейскими католического священника, после чего мальчик вступает в отряд кристерос, которые защищают свою веру. Он попадает в руки врагов, и они дают ему возможность уйти, но, конечно, отрекшись от Христа. Отказавшись, он подвергается страшным мучениям, но ни они, ни сама смерть не властны над его силой духа. Возможно, задачей режиссеров было показать панораму развернувшихся событий, но если бы весь фильм был выстроен как рассказ об этом ребенке, он бы был не менее убедительным.

Таким образом, этот поликодовый «текст» позволяет выявить основные семантические центры в понимании описываемого исторического явления – гонения христиан в послереволюционной Мексике: жажда христианской веры простых людей, которые не идут на уступки безбожным властям, и показ двух основных персонажей – двух мучеников: католического священника и ребенка, принявших смерть за Христа. Для читателя и зрителя образы в художественной прозе и фильмах дополняют друг друга и дают ему полное представление о происходивших событиях.

Список литературы

1. About «The Power and the Glory» [Электронный ресурс]. URL: <http://cliffsnotes.com> (дата обращения: 30.09.2019). Загл. с экрана. Яз. англ.
2. *Greene, G.* The Power and the Glory [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/author/Greene_Graham.html (дата обращения: 27.10.2020). Загл. с экрана. Яз. англ.
3. *Greene, G.* The Lawless Roads [Электронный ресурс]. URL: <https://PDFDrive.com> (дата обращения: 21.11.2020). Загл. с экрана. Яз. англ.